

УДК 94 (4) "1871-1918"

С. В. Чолий

ДЕЗЕРТИРСТВО КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ ПОЗДНЕГО ЕВРОПЕЙСКОГО МОДЕРНА (1871 – 1918)

Рассмотрено влияние модернизации на социальные процессы в Европе. На примерах дезертирства солдат Центральных государств в Россию сделан вывод о том, что изменения в комплектовании европейских армий в XIX в. стали мощным импульсом к трансформации традиционных сообществ и способствовали появлению новых социальных практик.

The paper analyzes the influence of modernization on social processes of different European states. On the example of desertion of the Central Power's soldiers to Russia one comes to conclusion that changes in the manning system of European armies during the 19th century were one of the most important components of traditional society's transformation and a vital source of new social practices.

Ключевые слова: дезертирство, всеобщая воинская повинность, Россия, модернизация.

Key words: desertion, conscription, Russia, modernization.

Промышленная революция XVIII – XIX вв. стала рубежом в истории современной Европы, отправным пунктом стремительного развития, которое позволяет западному миру сохранять сейчас лидирующие позиции во многих сферах. Отходя от экономической составляющей этого процесса, мы в первую очередь акцентируем внимание на социальных изменениях, ставших интегральным компонентом экономического развития. Цель настоящей статьи – выяснение результатов начала использования новых военных технологий, в особенности технологий пополнения армии, для социального развития центральноевропейских народов. Объектом исследования выступает отдельная категория военнообязанного населения – дезертиры имперских армий Австро-Венгрии и Германии: они искали спасения от военной службы и, если так можно сказать, от европейской модернизации, оставляя свое отечество и сбегая в Россию.

Актуальность темы обусловлена продолжением исследований влияния всеобщей воинской повинности на социум, достаточно распространенных в историографиях практически всех стран мира. Среди этих исследований данную работу выделяет новое направление – анализ дезертирства как социального, а не конкретно военно-исторического явления. Такой подход к проблеме во многом носит новаторский и дискуссионный характер.

В основе статьи лежит гипотеза о том, что промышленная революция и последующая модернизация имели разноплановое воздействие на жизнь общества. В контексте этой темы рассматривается влияние всеобщей воинской повинности на трансформацию общества и массовое, по сравнению с предыдущими эпохами, дезертирство как на социальные реакции сопротивления и неприятия модернизации.

Если коротко характеризовать историографию и источники по данной теме, то необходимо отметить несколько основных тенденций. Во-первых, несмотря на довольно длительный период, прошедший после окончания Первой мировой войны, вопрос об ответственности за ее начало до сих пор не снят и его влияние все еще заметно в историографии (см.: [17; 27; 31]). Именно это и является основной причиной сохранения довольно тенденциозного отношения в большинстве историографических школ к военному развитию Центральных государств. Другие важные характерные черты исследований этого развития — милитаризм Германии, репрезентация германцев и венгров как доминирующих наций в государствах, ставших «тюрьмами народов» для славян, концепция мирного национального сосуществования *felix Austria* — не позволяют проводить вполне беспристрастный анализ, поскольку ориентированы на поиск виновных в событиях столетней давности [6; 20; 24; 25]. К сожалению, даже новейшие исследования по этой теме иногда остаются в плену клише национальных историографических школ, страдающих узостью взгляда и не восстанавливающих более широкий исторический контекст. В этом отношении социальная история имеет, на мой взгляд, лучшие перспективы и возможности объективного изучения прошлого.

Необходимо выделить большие труды о военной истории отдельных стран, авторы которых активно разбирают подоплеку компонентов внедрения воинской повинности и подчеркивают комплексный характер этого процесса [8; 18; 19; 21; 23]. Несмотря на наличие таких работ, явление дезертирства до сих пор не вызывало специальный интерес исследователей, если не считать дипломную работу Гудрун Экснер, рассматривающую этот процесс на материалах первой половины XIX в. [26]. Особого внимания заслуживают концептуальные и теоретические труды Чарльза Гилли, а также других авторов, обосновывающих процессы взаимодействия социума и государства. Точка зрения Гилли во многом служит теоретической базой данного исследования [10; 28].

С учетом особенностей современной историографии я опираюсь прежде всего на различные неисследованные источники, в том числе на материалы четырех основных архивов — в Австрии, России и Украине — Военного архива Австрии (Österreichisches Kriegsarchiv, КА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального государственного исторического архива в Киеве и Львове (ЦДІАК и ЦДІАЛ соответственно).

Такой выбор архивных учреждений не случаен, так как он позволяет рассмотреть проблему дезертирства с точек зрения разных имперских структур — Австро-Венгрии, России и Германии. Архивные дан-

ные Австро-Венгерской империи рассказывают о дезертирах как о преступниках – бывших солдатах, оставивших службу, в то время как архивы Российской империи – основного их реципиента – как о перебежчиках, которые могли сообщить важную военную информацию, вследствие чего поселялись в России. Модель анализа архивных документов обеих сторон дает возможность создать комплексную картину дезертирства как военного и социального явления. Особое внимание при анализе было обращено на личные дела дезертиров, а также их собственную мотивацию к дезертирству и анкетные данные. Исследование основывается на сравнительном анализе документальных источников разных стран с использованием теоретических наработок социальной истории.

Теоретической опорой данной работы служит концепция Чарльза Тилли, которая также поддерживается и другими исследователями (Гюнтер Ротенберг, Джеймс Лукас и др.). Согласно данной концепции, взаимодействие между государством и армией как двумя структурными образованиями в истории имело определенную эволюцию. Кроме постоянного роста количественных показателей, это также изменение полномочий армии и государственного аппарата. Регулярные рекрутские наборы и, тем более, всеобщая воинская повинность стали основным компонентом перехода от непрямого управления населением к прямому. Параллельно с этим процессом армия с середины XIX в. теряет автономные позиции и становится одним из элементов государственного аппарата.

В целом, Тилли выделял четыре основных этапа в перераспределении полномочий государства и армии [10, с. 59 – 60, 157 – 175]:

- 1) патримониализм (прямые отношения управления государством и армией);
- 2) брокераж (использование наемников в качестве армии);
- 3) создание национальных государств (армия как носитель национальной идеи и национальных интересов);
- 4) специализация (армия как часть общества и общественной организации).

В данной статье анализируется в первую очередь третий этап – период, когда государство начинает напрямую руководить армией и организовано использовать население для ее пополнения. Такие изменения государственной политики имели своим результатом довольно значительные перемены в социальной реакции на ее трансформацию. Население, тысячелетиями жившее практически отдельно от государства и обязанное лишь платить налоги, с середины XIX в. вступает в контакт с бюрократическим государством и воинской повинностью как основным его инструментом. Универсальная военная служба для всех граждан стала важным элементом изменения социумов, особенно тех, кого не коснулись индустриализация и классическая модернизация XIX в. С помощью универсальных военных наборов государство проникает на микроуровень общественных отношений и трансформирует традиционное общество в общество индустриально-модерное.

В настоящей работе из всего комплекса модернизационных мероприятий основное внимание уделяется изменению принципа пополнения армии. В последней трети XIX в. практически все имперские режимы Старого Света начали использовать всеобщую воинскую повинность для пополнения армии, что стало основой милитаризации обществ. Всеобщая воинская повинность — принцип временной подготовки резерва для армии из общего числа граждан на протяжении двух-трех лет с их последующим возвращением к гражданским занятиям. В условиях войны такая система должна была обеспечить большой запас из предварительно обученных солдат-граждан, будучи в то же время не столь обременительной финансово для государства [2, с. 1–6].

Другая фундаментальная идея всеобщей воинской повинности — равенство и универсальность ее отбывания каждым гражданином — была привнесена в быт Европы Французской революцией. Реализация на практике девиза «свобода, равенство, братство» оказалась связана с серией войн и с необходимостью службы в армии каждого гражданина революционного государства. Настоящая популярность к всеобщей воинской повинности пришла после ее принятия в Пруссии в 1818 г. С этого времени прусский пример стал образцом для всех других стран Европы, которые рано или поздно приняли эту систему комплектования армии в той или иной форме. В большинстве случаев военные реформы стали одним из интегральных компонентов так называемых «модернизаций сверху», проводимых в Турции (танзимат), Австро-Венгрии (перестройка империи на дуалистических началах), Японии (реставрация Мейдзи), России (комплекс реформ после отмены крепостничества) [3; 5; 8; 24; 25; 29].

При более глубоком анализе этой проблемы возникает вопрос: чем отличается дезертирство периода позднего модерна от аналогичного явления в более ранние исторические эпохи? Ведь понятно, что всегда были люди, по определенным причинам бросившие военную службу. Основная концептуальная идея эпохи модерна — армия после всеобщей воинской повинности становится «продолжением» общества вследствие массовости и универсальности военных наборов. Призванные новобранцы переносят в армию общественные проблемы, и те из солдат, которые восстают против военной обязанности дезертируя, в первую очередь проявляют свой социальный протест. Более того, эти общественные проблемы были основными причинами дезертирства в конце XIX в. И именно из-за них дезертирство становится прежде всего социальным явлением.

Социальная трансформация, вызванная введением всеобщей воинской повинности, рассматривается в работе в двух основных направлениях, условно говоря, позитивном и негативном, в зависимости от восприятия этой трансформации обществом. Такое распределение сделано в первую очередь по результатам исследования данных из Австро-Венгрии, но оно отображает общеевропейскую ситуацию в целом. Позитивные изменения, в особенности для аграрного общества, касались прежде всего расширения кругозора солдат [22]. Большинство из них проходили службу в гарнизонах, подвергшихся европейской модерни-

зации в гораздо большей степени, чем сельские районы. Во время маневров или передислокаций солдаты могли увидеть другие регионы и уклад жизни в них, что служило важным элементом личностного развития и интеграции в социум. Второй важный компонент — это образование, как общее (умение читать и писать), так и специальное (получение отдельных технических навыков с возможностью последующего использования их в гражданской жизни). Третьим позитивным направлением стало продвижение по службе в армии, осуществляемое в разных государствах по-разному. В основном карьерные возможности появлялись у тех, кто продолжал сверхсрочную военную службу, после которой мог устроиться на должность чиновника в государственный аппарат. В отдельных государствах, особенно Германии и Австро-Венгрии, доля бывших солдат в чиновничестве была подавляющей, причем не только на низших, но и высших должностях.

Негативное влияние воинской обязанности на общество было результатом проявления общей неэффективности государственного аппарата и отражалось на отдельных статистических категориях. Исследование военного развития Австро-Венгрии показывает как неготовность государства к результативному обучению молодых солдат, так и невозможность большого количества призывников адаптироваться к условиям службы. Для пятилетнего периода (1871–1875) существует сразу несколько статистических категорий-индикаторов этой неэффективности. Во-первых, статистика смертности — более 52 тыс. человек за пять лет выбыли из воинских списков по причине смерти. И это при том, что в это время Австро-Венгрия не вела никаких войн. Также были довольно высокими и показатели заболеваемости солдат: практически каждый второй за три года срочной службы болел и находился в военно-лечебных заведениях. Важно отметить довольно высокий процент неизлеченных болезней, с которыми солдаты продолжали служить или же отправлялись домой. За названный период 1 480 солдат были комиссованы из армии по инвалидности (подсчитано автором по данным статистических ежегодников за 1870–1876 гг., см.: [32]). Даже приведенные здесь статистические данные всего по двум категориям уже позволяют сделать вывод о существовании у воинской службы не только позитивных, но и негативных последствий.

Нежелание служить вместе с боязнью получить на службе увечья или вообще не вернуться домой были основными причинами первой и наиболее сильной массовой реакции на всеобщую воинскую повинность — уклонения от службы. В зависимости от своего психологического типа военнообязанный выбирал путь активного или пассивного уклонения [9, с. 4, 44–45, 67]. Пассивное уклонение — невыполнение законодательства, нарушение уставов службы — вело в основном к наказанию через военные или гражданские суды. Отдельные случаи пассивного уклонения, кстати, очень распространенного в Австро-Венгрии, — нанесение себе умышленных травм, чтобы стать непригодным к военной службе, и самоубийство. Наиболее частым проявлением активного уклонения от военной службы было прямое дезертирство, вызванное невозможностью индивидуальной адаптации к тяжелым условиям универсальной, то есть одинаковой для всех, военной службы.

Важным фактором негативного восприятия службы стала, по сути, насильственность модернизации, когда все граждане, независимо от их уровня социального и личностного развития, были обязаны отвечать одинаковым требованиям, предъявляемым к солдату. Это вызвало усиление давления армии как института на представителей отдельных маргинальных или периферийных групп, которые часто были в то же время представителями отдельных не титульных наций. Хотя воинская служба и оставалась одним из немногих способов модернизации удаленных районов, ее требования были намного жестче для тех, кто не имел возможности получить полноценное образование или приобщиться к современным практикам до армии (см.: [22]). Поэтому для населения из этих регионов, например украинцев Галиции, румын Трансильвании, сербо-хорватов Боснии и Герцеговины, так же, как для поляков или сорбов Германии, военная служба была очень большим испытанием, и именно эти национальные группы и составляли большинство самоубийц и дезертиров имперских армий.

Часто существует прямая зависимость между личностью солдата-дезертира и предпосылками побега, символизирующими определенным образом неприятие модернизации в форме воинской обязанности. Это, в первую очередь, тяжелые условия службы и слишком быстрые темпы обучения, что усугубляло положение конкретного солдата и приводило к частым наказаниям или физическому насилию со стороны унтер-офицеров. Иногда ключевым фактором выступало незнание языка страны, в которой проходит служба (немецкого или венгерского), что приводило к аналогичным последствиям. Подавляющее большинство (90 %) дезертировали именно по названным выше причинам. В отдельных случаях это также невозможность удовлетворить свои духовные потребности в связи с преобладанием других (неправославных) конфессий, желание воссоединиться с семьей, проживающей в России или за границей, личные конфликты, попытки избежать наказания за криминальные поступки. Среди поводов для дезертирства следует также назвать желание принять участие в войне против мусульманской Турции в 1878 г. в составе российской армии, высказанное, например, четверьмя австро-венгерскими дезертирами [13, оп. 827, спр. 129, с. 1–19]. В комплексе предпосылок выделяется именно неумение адекватно воспринимать условия службы и адаптироваться к ним, тоска по дому и привычной жизни, трудности при восприятии новой информации и быстром обучении. Таким образом, отдельные представители населения не могли стать полноценными членами армейского сообщества и вставали на путь его отрицания и бегства. Архивные документы снабжают многочисленными примерами, подтверждающими эти выводы (см.: [11; 13, оп. 629, спр. 121; оп. 821, спр. 194; оп. 822, спр. 44; оп. 823, спр. 49; оп. 824, спр. 70; оп. 827, спр. 129; оп. 828, спр. 81; оп. 861, спр. 34; оп. 862, спр. 59, 86, 92, 153; 16, ф. 146, оп. 54, спр. 219; ф. 156, оп. 1, спр. 1407; ф. 458, оп. 1, спр. 64; 7, д. 1188, 1194, 1195, 1199, 1202, 1205, 1377]).

Можно вкратце представить предварительные результаты исследования, позволяющие ответить на вопрос, какой была судьба иностран-

ных дезертиров в России. Взаимоотношения Российской, Австро-Венгерской и Германской империй включали в себя договоры об экстрадиции преступников, скрывающихся от правосудия за границей [7, д. 1377, л. 205а–206; д. 1350, л. 39–43; 1, с. 1–48; 13, оп. 851, спр. 183]. В то же время ситуация с дезертирами была в правовом отношении неоднозначной, так как существующие договоры на них не распространялись: выдача или невыдача зависела от решения российской стороны. В реалиях XIX – начала XX в. дезертиры рассматривались Россией в качестве особо ценного источника военной информации, поэтому большинство перебежчиков направляли в штабы военных округов для детального допроса. Одновременно с этим проводились мероприятия по выяснению личности бежавшего в его родной стране. В зависимости от полученных через консулов сведений дезертиров или возвращали на родину, если они были виновны в преступлениях, или же оставляли в России, если признавали их собственно дезертирами. После выяснения всех необходимых данных военные передавали перебежчика в распоряжение МВД, отправлявшее его на поселение в одну из четырех губерний (Астраханскую, Вологодскую, Самарскую или Уфимскую) и с их помощью колонизировавшее отдельные районы России [11; 13, оп. 629, спр. 121; оп. 821, спр. 194; оп. 822, спр. 44; оп. 823, спр. 49; оп. 824, спр. 70; оп. 827, спр. 129; оп. 828, спр. 24, 81; оп. 861, спр. 34; оп. 862, спр. 59, 86, 92, 153; 16, ф. 146, оп. 54, спр. 219; ф. 156, оп. 1, спр. 1407; ф. 458, оп. 1, спр. 64; 7, д. 1188, 1194, 1195, 1199, 1202, 1205, 1377].

Парадоксальность ситуации с дезертирами состояла в том, что многие из тех, кто были не в состоянии социализироваться и адаптироваться у себя на родине вследствие неприятия воинской повинности, в результате побега оказывались на территории европейской России, где перед ними снова стоял вопрос социализации уже в новых условиях. Источники сохранили довольно много историй о дезертирах, которые после поселения в России подавали прошение о возвращении на родину, а получив его и вернувшись, были обязаны в штрафном порядке продолжить свою службу империи Габсбургов или Гогенцоллернов.

Например, знаковой представляется история Кондика Андрейчука, уроженца села Белый Поток в Галиции. После первого побега из армии он прожил восемь лет в Астраханской губернии, а потом вместе с тремя бывшими дезертирами вернулся домой. По окончании непродолжительного разбирательства и короткого тюремного срока он должен был продолжить службу в своем же полку, затем отрезал себе указательный палец левой руки. Последовавший за этим десятимесячный срок в тюрьме все же не избавил его от службы, и 8 декабря 1888 г. он снова бежал в Россию [7, д. 1188, л. 18 об. – 20]. Этот тип «вечного дезертира» является в некотором роде знаковым для данного периода и представляет целую категорию людей, находившихся в поисках социализации и желавших вернуться в привычную социальную среду.

Реалии Первой мировой войны еще больше ухудшили ситуацию дезертирства в общеевропейском контексте. Миллионные армии, возникшие из ничего всего за несколько недель лета – осени 1914 г., стали

сосредоточением проблем довоенных империй. После спада всеобщей эйфории 1914 г. социальные проблемы в армии постоянно усугублялись, что во многом и привело к падению имперских режимов по результатам Великой войны. Дезертиры в военное время обозначались двумя терминами — перебежчики или же добровольные военнопленные, сдававшиеся врагу без особого сопротивления (см.: [4]). Солдаты обеих категорий причислялись к военнопленным и практически не могли легально вернуться на родину в связи с возможными репрессиями со стороны властей. Большинство из них ждала та же участь, что и остальных военнопленных, — годы ожидания в плену. После Брестского мира 1918 г. военнопленные Центральных государств направлялись домой, и по прошествии тщательной проверки снова оказывались интернированы (как враги государства) или же возвращались в строй, немного отдохнув. Возвращенцы, или, как их называли, *Heimkehrer*, стали основной дестабилизирующей силой, которая разлагала вооруженные силы как в Австро-Венгрии, так и в Германии, инициировав стачки и революции в 1918 г. в обеих этих странах (см.: [31; 30, картон 53—29—1917, 59—41—1917, 157—63—1918, 158—63—1918]).

Что касается довоенных дезертиров, сбежавших в Россию из Центральных государств, то их судьбы были, по сути, аналогичны судьбам дезертиров военного времени. Поселенные до войны в названных четырех губерниях, в военных условиях они были признаны потенциальными союзниками врага. Вследствие всероссийских мероприятий по борьбе с возможными внутренними врагами большинство подданных Центральных государств, проживающих в России, ждала та же участь, что и военнопленных — они были интернированы и лишены основных гражданских прав практически до конца существования имперского режима в России. Большинство из них переселили из губерний «не столь отдаленных» в «отдаленные» [13, оп. 851, спр. 183; 12, спр. 1935, с. 3; 14, спр. 1602, с. 7, 10, 15, 109, 111; спр. 1756, с. 18, 21, 37, 173, 121, 245, 315; 15, спр. 130, с. 19, 71, 104, 106]. В конце войны в связи с российской революцией большая часть из них получила возможность вернуться на родину.

Таким образом, дезертирство может быть рассмотрено в качестве массовой социальной реакции обществ европейского модерна на воинскую повинность, нехарактерной для предыдущих эпох. Конкретное изучение ситуации взаимоотношений Австро-Венгрии, Германии и России в данном аспекте позволяет проследить особенности модернизации общества в конце XIX — начале XX в. и увидеть основные проблемные моменты этого процесса. В данном случае это люди, неспособные по отдельным причинам к социализации и принятию духа эпохи в его особенном проявлении — всеобщей воинской повинности. Первая мировая война стала фактором, который усугубил данные процессы и во многом обнажил важные социальные проблемы государств эпохи модерна. По результатам Первой мировой большинство бывших дезертиров вернулось домой, где начало строить свои национальные государства по тем же принципам модернизации XIX в.

Список источников и литературы

1. *Вербловский Г.* О взаимной выдаче преступниковъ и дезертировъ // Юридический вестник. 1868. №7. С. 1–48.
2. *Глюкманъ К.* Австро-Венгерская армія. Кіевъ, 1910.
3. *Кинросс, лорд.* Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999.
4. *Нагорная О. С.* «Другой военный опыт»: российский военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1920). М., 2010.
5. *Петросян И. Е., Петросян Ю. А.* Османская империя: реформы и реформаторы. М., 1993.
6. *Погодинъ А. Л.* Славянскій міръ: политическое и экономическое положение славянскихъ народовъ передъ войной 1914 года. М., 1915.
7. *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 1759. Оп. 3.
8. *Рубель В. А.* Японська цивілізація: традиційне суспільство і державність. Київ, 1997.
9. *Семянская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.
10. *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства: 990–1992 гг. М., 2009.
11. *Центральный* державний історичний архів України (ЦДІАК). Ф. 336. Оп. 1. Спр. 3901. 1912–1916, 48 арк.
12. *ЦДІАК.* Ф. 361. Оп. 1.
13. *ЦДІАК.* Ф. 442.
14. *ЦДІАК.* Ф. 1439. Оп. 1
15. *ЦДІАК.* Ф. 1599. Оп. 1.
16. *Центральный* державний історичний архів України, Львів.
17. *A History of the peace conference of Paris.* L., 1921. Vol. 6.
18. *Baczkowski M.* Pod czarno-żółtymi sztandarami: Galicja i jej mieszkańcy wobec austro-węgierskich struktur militarnych 1868–1914. Kraków, 2003.
19. *Benecke W.* Militär, Reform und Gesellschaft im Zahrenreich: die Wehrpflicht in Russland: 1874–1914. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2006.
20. *Beryhahn V. R.* Militarismus. Köln, 1975.
21. *Challener R. D.* The French theory of the nation in arms. N. Y., 1955.
22. *Choliy S.* Die Modernisierung der österreichisch-ungarischen Streitkräfte (1868–1914) – eine Chance für die galizischen Rekruten? // Galizien: Peripherie der Moderne – Moderne der Peripherie? / Hrsg. von E. Haid, S. Weismann und B. Wöller. Marburg, 2013. S. 109–122.
23. *Deak I.* Beyond Nationalism: a social and political history of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918. N. Y.; Oxford, 1990.
24. *Die Habsburgermonarchie* 1848–1918. Wien, 1975. Bd 2: Verwaltung und Rechtswesen.
25. *Die Habsburgermonarchie* 1848–1918. Wien, 1980. Bd 3: Die Völker des Reiches.
26. *Exner G.* Deserteure im Vormärz. Eine computerunterstützte Untersuchung der Grundbuchblätter des vierten Infanterieregiments (Hoch- und Deutschmeister) für die Jahre 1820 bis 1840. Wien, 1997.
27. *Glatz F.* Die Habsburgermonarchie und die Geschichtsschreibung: ein historiografisches Ausblick // Gesellschaft, politik und Verwaltung in der Habsburgermonarchie. Stuttgart, 1987. Beiheft 15. S. 373–378.
28. *Lucassen J., Zürcher E. J.* Conscription as Military Labour: The Historical Context // International Review of Social History. 1998. №43. P. 405–419.
29. *Norman E. H.* Soldier and Peasant in Japan: the origins of Conscription // Pacific Affairs. 1943. Vol. 16, №1. P. 47–64.

30. *Österreichisches Kriegsarchiv*. Chef des Ersatzwesens für die gesamte Bewaffnete Macht (KA, ChdE, Aktenkartons).

31. *Rauchensteiner M.* Der erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie. Wien; Köln; Weimar, 2013.

32. *Statistisches Jahrbuch für das Jahr 1870 – 1876*. Wien, 1871 – 1878.

Об авторе

Сергий Чолий – ст. преподаватель, НТУУ «Киевский политехнический институт», Украина.

Email: gohoil@ukr.net

48

About the author

Serhiy Choliy, Senior Lecturer, National Technical University of Ukraine “Kyiv Polytechnic Institute”, Ukraine.

Email: gohoil@ukr.net

УДК 94(47)+316.452(1-21)«1914/18»

Я. А. Голубинов

ОЧЕРЕДИ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ В 1914 – 1918 годах: К ВОПРОСУ О СКЛАДЫВАНИИ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Первая мировая война стала временем крупных социальных сдвигов в жизни российского общества, формирования новых социальных практик, позволивших городскому населению приспособиться к экстремальным условиям войны. Проанализирована социальная практика очереди «хвоста», которая, претерпев за годы войны определенную трансформацию, постепенно превратилась в своеобразный «культурный фокус», унаследованный советским обществом.

The First World War was the time of major social shifts in the life of Russian society, the formation of new social practices that allowed the urban population to adapt to the extreme conditions of the Great War. Queue (the «tail») was one of them, gradually transforming from one of the many social practices into the «focal point» of culture.

Ключевые слова: Россия, город, Первая мировая война, социальная практика, очередь.

Key words: Russia, the First World War, social practice, queue.

Период социальных потрясений – время становления новых форм общественных отношений, новых социальных групп, новых социальных практик. Войны и революции вынуждали представителей всех слоев общества искать новые пути выживания в ситуации политической и экономической нестабильности. Приспособление к новым условиям